

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по
литературе
2021-2022 учебный год
9 класс
Максимальный балл – 97**

*Дорогой любитель литературы!
Желаем тебе успеха!*

**1. Аналитическое задание
Максимальный балл – 70**

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по выбору)

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

1.1. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа Дм. Райца (род. в 1990 г.) «Белый стих о белой зиме». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): взаимосвязь темы творчества и темы детства в рассказе, аспекты раскрытия темы творчества и их соотношение с классическими вариантами обозначенной темы, тема жизни и смерти в рассказе, раскрытие образа героя через его противопоставление образу Кости.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Дмитрий Райц

Белый стих о белой зиме

Не знаю, выходят ли сейчас дети на улицу просто гулять. Наверное, выходят. Как же иначе? В детстве, когда все телефоны еще были прикованы проводами к стенам, мне всегда говорили время, к которому надо было вернуться домой. И все равно прогулки затягивались до темноты.

А что там за деревом? Так это же луна. Как долька лимона в чашке черного кофе... Папа пьет кофе с лимоном... Предчувствие неприятностей вставало комом в горле. Я торопился домой. Выплывающие под свет фонарей тусклые лица прохожих, шорохи во мраке, тени, превращаемые воображением в чудовищ, и просто страшные воспоминания заставляли бежать и не оглядываться, а ожидавший лифта незнакомец в лисьей шапке – подниматься по лестнице.

На этаже не горела лампочка. Из темных углов вырастали убийцы с кривыми ножами. Я звонил в дверь. Открывала бабушка и ничего мне не говорила. Все ясно: «Ищут. Попадет». Папа, вздыхая, одевался и уходил искать маму, которая в это время бегала по ближайшим дворам, испуганно выкрикивая в каждом мое имя. В молчании дожидались их возвращения. Ледяное молчание само по себе служило наказанием. Ну и, разумеется, сокращение прогулок на полчаса или час.

Уже после примирения, замечая в темной прихожей незадвинутый засов, я медленно подходил к двери. Сердце замирало от ужаса. С каждым шагом я острее чувствовал, что вот сейчас она распахнется, и кровожадный убийца в лисьей шапке с порога вонзит в меня свой клинок. Вспоминался большущий нож для забоя свиней, какой я видел в деревне у дяди.

Оставался последний шаг... Рвануть, опередить убийцу, запереть засов – только это могло вернуть покой и безопасность...

Мы с Костей пошли прыгать по гаражам. За его домом стояли в два ряда однотипные стальные коробки. Расстояние метра в полтора мы перескакивали легко. Могли даже с места. В десять лет и пять метров не отвадили бы меня от прыжка – краткое отсутствие земли под ногами и жажда полета перехватывали дыхание. Я бы прыгнул и – кто знает? – может быть, перепрыгнул.

Словами, утратившими с тех пор смысл, Костя рассказывал:

– Подключили модем наконец-то. Но телефон спаренный. Соседка часами висит на линии, портит коннект.

А я пытался напеть ему мелодию:

– Та-та-та-тата-та-та, – правда, выходило не лучше, чем написано. – Знаешь такую?

Моцарт!

Костя взобрался на гараж первым и помог мне.

Орошенный грейпфрутовым соком заката снег. Голубые сугробы – беспорядочно выросшие зубы на нижней челюсти мира. Вытянутые темно-синие тени, слишком четкие кленовые ветки. Сиреневый столп дыма из далекой котельной на пустом небе. Тот же вечерний грейпфрутовый цвет на крыше гаража и на мне.

Все это бросилось мне в глаза, по натянутым струнами нервам помчалось к мозгу и сделало из меня поэта. Сначала только звук, как повторяющаяся мелодия, снова и снова. Под звук – первая фраза, потом еще и еще одна... Смутная мысль, что мир так прекрасен, огромен и сложен, а я умру. Ощущение всесилия, яркие цветные пятна цепляются к отдельным словам, яростное нетерпение, движение, предвкушение, страх, счастье.

Я сообразил, что складываются стихи, и заволновался, что вскочившие мне в голову строчки так же запросто оттуда выскочат... Прыгали по крышам мы недолго – к счастью, появился хозяин одного из гаражей.

Вернулся домой я на час раньше срока, и такое раннее появление вызвало любопытство, перерастающее в беспокойство. Брат переводил бабушке с английского инструкцию к глюкометру.

– Уроки не доделал, барчук? – спросил дедушка.

– Нет, это другое, – нетерпеливо ответил я, достал тетрадь, ручку и замер.

Слова, клубившиеся у меня в голове всю прогулку, стихли. Я остался перед тетрадным листком в линейку совершенно одиноким и беспомощным. Как нужно начинать? Все остальное как будто было совсем готово, за исключением гадкой первой строчки. Я робко попробовал: «Новосибирск – это очень красивый город, особенно в зимнее время». Это же не то! Вроде бы все верно, но почему-то совсем не то. Переписал: «Новосибирск в зимнее время очень красив». Не выходит... Бабушка на кухне печет коржи к торту. Сейчас она будет обрезать краешки. Уверен, брат пошел туда. И я бы мог не мучиться сейчас, не ломать голову, а заглядывать в духовку и ждать. Ну зачем мне все это нужно? «Стихотворение...» – мысленно передразнил я себя с досады. Я оказался таким неталантливым, беспомощным... Стало грустно и жалко себя.

Пока я бился ручкой, как шпагой, над строкой, вычеркивал и переписывал, с работы вернулся папа. Он удивился, что меня нет в прихожей с вечным вопросом: «Что принес, что принес?» Папа прошел ко мне, пыша сладким запахом мороза и не снимая шапки.

– Ты еще уроки не сделал? – спросил он.

– Другое, – отмахнулся я.

– Рисуешь?

– Я не маленький, чтоб рисовать.

– Раскрашиваешь? – усмехнулся папа. Он был из тех застенчивых людей, нежность которых выражается в скромном остроумии...

Наконец написал первую строчку, которой остался доволен. Встал, прошелся до кухни и обратно. Допекался последний корж, бабушка мешала крем из сметаны. Сел писать дальше. Вторая строчка сочинилась проще.

Через два часа стихотворение было закончено. С важной скромностью я пошел к бабушке на кухню. Пускай она работала когда-то учителем не литературы, а физики, но еще могла преподать хороший урок.

– Сочинил стих, – произнес я.

Бабушка облизнула сметану с пальца и выключила звук у выступления молодого и немного робкого председателя правительства. Потом надела очки, серьезно посмотрела на лист и сказала:

– Но это не стихи. Нет рифмы. А еще здесь и здесь поставь запятые.

Я хмуро смотрел на нее и тянул руку обратно за своим, оказывается, не стихотворением.

– Впрочем, можно и без рифмы. Пусть будет белый стих. Для десяти лет, думаю, неплохо.

Бабушка включила звук, и председатель правительства заговорил о тревоге, корне зла и терроре.

Я аккуратно пролиновал карандашом альбомный лист и, опасаясь помарок, переписал стихотворение наиболее изящным почерком...

Уголок маминых губ дернулся, задрожал и пополз вверх.

– Здорово! – горячо и, похоже, искренне воскликнула она. – Какой ты молодец! Пушкин ты наш! Третий класс, и уже стихи!

– Бабушка сказала, это белый стих, – пожаловался я.

– Да вот и запиши название: «Белый стих о белой зиме», – предложила мама. Я записал.

– Папа, а как тебе?

Папа лежал на диване. Его глаза еще были открыты, но он уже тихо похрапывал.

– Да. Вот, – неторопливой интонацией и сонной мимикой папа выразил умеренный восторг.

– Трудно, что ли, похвалить сына?

– Ну, зачем смущать?

– Да почему гордость родителей должна смущать? – К брату ее отношение было чуть строже, то ли в силу его старшинства, то ли потому, что я внешне был больше похож на нее.

– Ну, молодец.

Я вернулся за стол. Несмотря на похвалу, стихотворение перестало мне нравиться. То ли там оказалось много лишнего, то ли чего-то не хватало. То ли и вовсе каждое слово было плохо. Перечитал и заменил «розовый» на «розовато-багровый». Так будет точнее. Для пущего лоска я прочертил фломастером голубой квадрат вокруг текста.

Думал показать стихи брату.

– Да, знаешь, решился, скажу ей... На днях, с глазу на глаз... Ну, нет, так нет... Фиолетовый, а что?

Он говорил по телефону, наматывая провод на палец. Я стал ждать рядом с ним, разглядывая обложки его учебников. Брат закрыл рукой трубку:

– Слушай, гуляй!

– Я сегодня уже погулял, – ответил я и, обидевшись, вышел из комнаты.

Следующим утром, натягивая подштанники, я упал на кровать и едва не заснул снова.

– Вставай-ка, – нежно толкнула меня мама, пахнущая духами.

Сокровище мое лежало в рюкзаке. Я взял пакет со сменкой, а папа подал мусор.

– Смотри не перепутай, – эту милую шутку он повторял всякий раз, когда я выносил сменку. То есть мусор.

Мне казалось, что я даже не шел, а шествовал, с важностью, торжественностью. В памяти всплывали вчерашние строчки, и было приятно, что их сочинил я: «И не хуже

Блока». Проходя гаражи за Костиным домом, не смог ничего с собой поделывать – залез наверх. Вид оттуда был совсем другим. Утренний снег сверкал, как огромный пласт соли. Я подумал о лосях, лижущих соль, и на душе сделалось совсем хорошо... Попрыгал немного и пошел дальше, вращая пакет, пока он не затягивался туго на пальце и не начинал разматываться обратно.

Девиз школы задержал меня в фойе: «В каждом человеке есть солнце, надо только, чтобы оно светило. Сократ». Я прочитал его и улыбнулся.

Со звонком Надежда Зиновьевна завела в класс мальчика, похожего на цыганенка, смуглого и чернявого, и привычно переселила детский гул:

– Ребята! В нашем классе становится на одного человека больше. Поприветствуйте Ваню Надбровного.

Нервно прождав урок о суффиксах и приставках, я подошел к учительскому столу:

– Надежда Зиновьевна, я тут написал...

Пока она читала, я следил через ее плечо и чувствовал особую неловкость – стихотворение стало казаться мне слишком серьезным и слишком личным, точно я описывал не зиму, а свою короткую жизнь. Заодно не хотелось разочаровывать первую учительницу, которая не раз говорила, что я могу далеко пойти. Или зайти, не помню точно.

Надежда Зиновьевна посмотрела на меня самым добрым взглядом.

– Зачем ты обвел все фломастером? – спросила она.

– Точно не знаю, но так нужно, – честно ответил я.

– Это достойно классного уголка. Повесим.

Чего лукавить, я ликовал. Она взяла кнопку и пригвоздила мой лист, как жука, к стене между горшками бегоний и диффенбахий.

Вдобавок Надежда Зиновьевна объявила в начале урока:

– Ребята, Дима сочинил белый стих. Читайте в классном уголке.

На перемене я оставался за партой демонстративно спокойным, хотя жадно следил, кто подходит к моему стихотворению и с каким выражением лица от него отходит. Львиную долю внимания оттянул на себя новичок, этот Ваня Надбровный.

Передо мной встал Антон. Я не был первым классным поэтом. Мое стихотворение о зимнем городе повесили рядом с элегией Антона про старого плюшевого медведя. Писать его вынуждало само имя – Антон Павлович Блок. Вежливо до высокомерия он протянул мне руку и произнес, будто даруя на что-то разрешение:

– Добро пожаловать в поэзию.

На следующей перемене в классном уголке я вчитывался в элегию Антона, придираясь к каждому слову. Когда я наткнулся в его стихах на что-то хорошее, талантливое, но придуманное не мной, мне было неприятно. До сих пор я помню строчки о том, как вместе с медведем он слушал пластинки и сказки... Я распалялся идеей сегодня же сочинить новый стих, лучше первого и наверняка еще белее. Например, о лосятах, которые лижут снег, думая, что лижут соль.

– Посмотрел в Интернете, – произнес за моей спиной, перепугав меня, Костя. – Такой же, про медведя, есть у Маршака.

– А как тебе мой?

– Ничего. Но я больше по фантастике. Вот «Дюна» Фрэнка Герберта – это вещь на пять с плюсом.

– Хотел тебе вчера позвонить, но брат болтал.

– Не дозвонился бы – я сидел в Интернете...

Не успели мы выйти в коридор, как Леша Долгошеин, маленький голубоглазый блондин, шлепнул Костю по плечу с криком:

– Мать! Восемь-десять! – И он захлопал себя по животу и голове, повторяя: – Восемь-десять, восемь-десять!

Мне ничего не оставалось, как последовать Лешиному примеру – это была жестокая игра. Костя хищно огляделся, как львенок, и кинулся за Антоном Блоком, который шел по коридору и пока еще ни о чем не подозревал...

– Бабушка говорит, ты стих написал? – спросил дедушка, лежа на тахте и не отрывая взгляда от книги. – Вот послушай, пижон...

– Белый стих, – я уже принимал это за достоинство.

Книгу он поставил на живот и только придерживал пальцем на развороте. Очки сдвинул на кончик носа. Я думал, что дедушка захочет прочесть мое стихотворение и одобрить его, но нет:

– Вот послушай, мастер Пепка. Настоящий стих должен рвать нерв, перевернуть сердце, ну и так далее. Поучись.

И дедушка прочитал «Жди меня» Симонова от начала и до конца, с выражением и неподдельным волнением. Как полковник в отставке, дедушка не только в любом городе мог сориентироваться по местоположению военкоматов, но и очень близко к сердцу принимал литературу о войне.

А стихов я больше не сочинял.

Кончен рассказ. Солнце заливаает комнату. По оттенку света понятно, что на улице тепло, и стоит лишь распахнуть окно, как со стружкой снега ко мне вспорхнет свежая весенняя сырость, несмотря на январь. Вдруг стало грустно.

Если отстраниться от цикличности человеческого восприятия, то годы – это просто повторение похожей погоды. Очередная зима. Выпавший за ночь, нетоптанный снег отливает не зимой и холодом, скорее напротив – чем-то тропическим, оперением сине-желтого попугая, крылья которого пропитаны зноем. Нежно-голубой, как фиалка, – где тень. А на солнце как лимон... Хотя с лимоном в самом начале я сравнивал луну... Тогда бледно-желтый, как молоко, в котором растопили кусок масла. Когда в детстве меня мучило горло, мама топила в горячем молоке кусок масла. Я выпивал – и кашель не мешал засыпать.

Вспоминаю про Черное море и думаю, что между тем теплым морем и этим обиленным замерзшей воды невелика разница. Взметаются бесноватые волны сугробов. Ветер подметает барашки. На дне белой пучины покоятся тайны, сокровища, всякий мусор, машины-корабли... Посреди двора растет темная ель, припорошенная парусиново-белым снежком – как клипер, рвущийся навстречу неизвестному берегу. Хвойные лапы – и фок-реи, и шпангоуты, и такелаж. При таком сравнении даже жалко, что на ели нет белок... Хотя под деревом мостится собака. Представим, что это дельфин.

Говорят, у каждой снежинки неповторимый рисунок. Сколько же их, таких особенных, намело в эти сугробы. Как людей за все времена – в небытие. Была ли хоть крупинка смысла в этой неповторимости? Выпавшие вчера снежинки пока еще мерцают под солнцем, луной, фонарями, но со дня на день пройдет новый снегопад, и они скроются в синей темноте забвения. На их месте замерцают другие неповторимые хлопья замерзшей воды...

Тем, кто верит в перерождение души, проще. Их жизнь – дождь. Дождь прошел, вода испарилась, и снова льет как из ведра. Но для нас с тобой жизнь – это метель. И до весны еще целая вечность.

Голубой квадрат с моим стихотворением недолго провисел в классном уголке. Через неделю его стали заслонять бумажные снежинки, картинки с Дедом Морозом, цифры «2000» и перечень отличников четверти. Корявые робкие строчки поглотила медленная Лета.

Та же участь постигнет всю мою жизнь?

Сорвали с кнопки, сунули в залежи черновиков. Может быть, спустя пару лет достанут, возьмут страшные ржавые ножницы и вырежут бумажную снежинку к очередному новому году. Впрочем, это не так уж и плохо.

Чудо, что я еще помню то стихотворение:

Зимний город очень красив в декабре.
Улицы занесли поля снега голубого, не белого.
Вечером стены домов озаряет багрово-розовый.
В небе нет облаков, но дым почти как облака.
Бурый снег на дорогах тает так быстро.
Но скоро наступит долгий мороз.

Хотя я могу невольно и приукрасить.

1.2. Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ стихотворения С. Маршака. При анализе стихотворения опирайтесь на предложенные вопросы:

1. Почему повествование ведется в основном от «мы»? Какова роль личных местоимений в стихотворении?
 2. Благодаря каким художественным средствам создается образ Дон-Кихота?
 3. Как образ дороги объединяет в произведении мир реальный и мир фантазии?
- Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С. Маршак

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнет,
И будет сбит в неравном поединке
В нее копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге...
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведет нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.

1964 г.

2. Творческое задание

Максимальное количество баллов - 27

В 2021 году сразу три великие русские комедии отмечают юбилей. У каждой из них своя памятная дата, связанная с годом создания или первой постановкой на сцене.

В.Ф. Одоевский, характеризуя русскую драматургию XIX века, писал: «Читал ли ты комедию или, лучше, трагедию Островского «Свои люди – сочтемся!», и которой настоящее название «Банкрут». – Я считаю на Руси три трагедии (в значении драматическое произведение): «_____», «_____» и «_____». На «Банкруте» я поставил номер четвертый».

Задание 1.1

Существует немало интересных историй, реальных и полуполюгендарных, связанных с созданием данных комедий и постановками их на сцене.

Уважаемый участник олимпиады, вспомни историю создания или постановки каждой из комедий и ответь на вопрос во втором столбце таблицы, а также назови каждую из комедий-юбиларов и ее автора и соотнеси с юбилейной датой. Ответы запиши в таблице (перенесите таблицу в тетрадь или в листы ответов; во втором столбце таблицы запиши только ответ на вопрос задания):

Юбилейная дата	Из истории создания и постановки на сцене	Автор	Название произведения
240 лет с момента создания комедии	Существует театральная легенда о первой постановке комедии: «Говорят, что при первом представлении сей Комедии на Придворном Театре покойный Князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, выходя из театра, подозвал к себе Сочинителя и с обыкновенным своим просторечием сказал ему шутя: «_____». Воспроизведи крылатое выражение, в которое превратилась фраза Потемкина		
190 лет: 26 января 1836 года была впервые поставлена на профессиональной сцене	Назови великого русского поэта, которому принадлежит фраза о языке комедии: «О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу» _____		

<p>185 лет публикации первой версии комедии</p>	<p>Выходя из ложи после премьеры этой комедии, российский император, который во время спектакля, по воспоминаниям современников, «был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души», сказал: «Ну и пьеса! Всем досталось, а мне больше всех!».</p> <p>Назови имя императора</p> <p>_____</p>		
--	---	--	--

Задание 1.2

Представь, что герои комедий встретились, познакомились и решили обсудить важные для них проблемы, вступив в беседу.

Выбери один из предложенных ниже вариантов тем для беседы и напиши диалог героев (100-150 слов), учитывая их взгляды, принципы, жизненные ценности. Диалог может быть написан как в прозаической, так и в стихотворной форме.

При создании диалога учитывай следующие требования:

- оформи диалог по законам драматического произведения;
- используй ремарки;
- сохраняй по возможности особенности речи персонажей, присущие им слова, выражения, манеру речи.

Темы диалогов:

- диалог П.А. Фамусова и А.А. Сквозник-Дмухановского о государственной службе и ее целях;
- диалог госпожи Простаковой и П.А. Фамусова о воспитании и образовании детей;
- диалог А.С. Молчалина и И.А. Хлестакова об успешной жизни;
- диалог Митрофана Простакова и А.С. Молчалина о влиянии родителей на их характер и поведение.

Задание 1.3

Охарактеризуй одного из участников созданного тобой диалога в форме **синквейна**.

Материалы для справок:

Синквэйн (от фр. *cinquains*, англ. *cinquain*) — пятистрочная стихотворная форма (нерифмованная), возникшая в США в начале XX века под влиянием японской поэзии.

Структура синквейна:

1-я строка – существительное, обозначающее тему синквейна

2-я строка – два прилагательных, раскрывающих интересные, характерные признаки темы

3-я строка – три глагола, описывающие действия в рамках темы

4-я строка – фраза из четырех слов, описывающая отношение к теме (разные части речи)

5-я строка – существительное, выступающее как вывод, итог